

ПРОЛОГ

*Форт Стеллар. Подземные уровни.
Ставка верховного командования
Флота Свободных Колоний...*

Шел 2637 год. Ситуацию, сложившуюся в Обитаемой Галактике после капитуляции Земного Альянса, трудно было назвать простой.

Три десятилетия войны оставили неизгладимый шрам в сознании целых поколений.

Земля проиграла, родина Человечества лежала в руинах после масштабного удара Флота Свободных Колоний, нанесенного по Солнечной системе и призванного положить конец многолетнему противостоянию.

Адмирал Воронцов хмуро размышлял, медленно прохаживаясь по просторному кабинету, расположенному на одном из подземных уровней спутника планеты Рори — луны Стеллар.

Отсюда на протяжении двадцати лет он руководил действиями флотов, но сейчас Воронцов с каждым новым прожитым днем понимал все острее и явственнее: он отдал себя той войне, отдал без остатка, незаметно изменившись и внешне, и внутренне.

Новая реальность, открывшаяся его рассудку, как только прошло опьянение *глобальной победой*, явилась своего рода шоком, сильнейшим информационным ударом.

Настало время собирать камни, и адмирал внезапно, в одночасье понял всю двойственность своего положения.

Он привык командовать, решать глобальные боевые задачи, привык к изматывающему напряжению огненных будней, техногенному противостоянию сил, способных уничтожать целые планетные системы.

Казалось бы, что может озадачить или смутить адмирала, прошедшего всю войну, испытавшего на себе первые горькие поражения, орбитальные бомбежки планет, ужас тех дней, когда, просыпаясь в стылом бункере, он не мог сказать наверняка — не станет ли новый день последним?

Невзгоды и величайшее бремя ответственности выковали его характер, заставили стать жестким, бескомпромиссным, а порой и жестоким.

Почему же теперь он медленно вышагивал по просторному кабинету, какого рода проблема встала перед командующим и сумела смутить его?

Ответ был прост — Воронцов с каждым днем все острее понимал: он полководец, но не политик. Запредельная жестокость противостояния Земли и Колоний отразилась в душе и разуме, навек отпечаталась в них уродливой гримасой *прошлого*, и теперь, когда опасность миновала, он ощущал пустоту, оглядывался вокруг и ничего не видел, словно из жизни убрали ее смысл.

Нет, адмирал ни в коем случае не жаждал новой войны. Несмотря на противоречивость его поступков и многие непопулярные решения, он единственный обладал сейчас фактически ничем не ограниченной властью. Однако шли дни, месяцы, минул первый год после победы над силами Альянса, и в Обитаемой Галактике началось брожение, наступало время перемен, к которому Воронцов оказался не готов морально.

Проблема, над которой размышлял адмирал, суще-

ствовала реально, она не являлась его личной фобией или плодом воображения.

Достаточно было взглянуть на объемную карту освоенного людьми пространства, чтобы понять: жесткие законы военного времени канули в Лету, реальность изменилась, на смену однозначным критериям пришли новые, более размытые...

Чтобы понять мысли адмирала, следовало обратиться к истории.

Четыре столетия назад, после открытия аномалии космоса, которую принято называть гиперсферой, из Солнечной системы стартовало более полутора тысяч колониальных транспортов. Каждый из них нес на борту оборудование для колонии и триста тысяч пассажиров, погруженных в низкотемпературный сон.

Этот период, продолжавшийся около полувека, получил название Великий Исход.

Не обращаясь к специальной теории гиперсферы, следует отметить, что законы перемещения в пространстве аномалии космоса были в ту пору практически не изучены, и потому каждый из стартовавших колониальных транспортов, вопреки заверениям «фирм-отправителей», выходил в метрику трехмерного континуума вовсе не там, где предполагалось планом полета.

Своенравная гиперсфера разбросала колониальные транспорты в огромном объеме пространства, поставив перед их экипажами и пассажирами тяжелейшие задачи: на пределе ресурсов, без возможности вернуться в исходную точку они оказывались перед небогатым выбором — им приходилось разведывать и осваивать планеты без поддержки метрополии, надеясь лишь на самих себя.

К началу Первой Галактической, когда Всемирному Правительству Солнечной системы стало очевидно,

что без второй волны Экспансии Земной Альянс¹ ждущая стагнация и регресс, разведка гиперсферных навигационных маршрутов показала: все планеты в близлежащих звездных системах уже заселены колонистами, которые за четыреста лет изоляции успели пройти собственный путь развития, все реже вспоминая о Земле.

Любая попытка выхода за пределы Солнечной системы вольно или невольно разбивалась о кольцо колоний. Их обитатели четыре столетия осваивали миры с враждебными биосферами, изменяя природу колонизируемых планет, и сами неизбежно менялись при этом.

Им, потомкам первых поселенцев, Земля стала чуждой, и агенты Альянса, которых по приказу Джона Хаммера² удалось внедрить в цивилизации некоторых миров, передали неутешительные разведывательные данные: многие колонии успели за четыреста лет пройти собственный путь развития, некоторые уже имели свои (пусть небольшие) космические силы, и ни одна из вновь образовавшихся планетных цивилизаций даже не принимала к рассмотрению вопрос о приеме новой волны эмигрантов из Солнечной системы.

Воронцов прекрасно помнил, как с показательной атакой планеты Дабог началась Галактическая война.

Джон Хаммер жестоко просчитался, недооценив потенциал колоний.

¹ События романов «Омикрон», «Душа Одиночки».

² Джон Уинстон Хаммер — глава Всемирного Правительства. Президент Земного Альянса (включавшего в свой состав внутренние колонии Солнечной системы) — одиозная личность, человек, фактически узурпировавший власть и принявший единоличное решение о начале войны с колониями внешними.

Проведенная Военно-Космическими силами Альянса «акция устрашения» возымела обратный эффект, — бомбардировка Дабога и последовавший за ней ультиматум были восприняты развитыми колониями как сигнал к началу сопротивления.

Молниеносный удар, который планировался командованием Альянса, встретил отчаянное противодействие со стороны колонистов, вместо короткого победоносного марша ВКС Земли были вынуждены вести затяжные кровопролитные бои в каждой из пяти избранных для первого удара звездных систем.

Адмирал всегда с тяжелым сердцем вспоминал то время, когда с орбит падали бомбы, люди вынужденно уходили в построенные еще на заре освоения родных планет бункерные зоны, вся промышленность колоний срочно перепрофилировалась в соответствии с нуждами войны.

...Адмирал подошел к объемной карте, взглянул на россыпь разноцветных маркеров.

За три десятилетия войны была выяснена судьба пятидесяти семи колониальных транспортов эпохи Великого Исхода, порядка тридцати планет подверглись варварской колонизации, проведенной в духе жесточайшего противостояния, — война подстегнула развитие промышленности, и способы освоения новых миров носили отнюдь не ассимиляционный характер: исконные биосферы планет подвергались уничтожению при помощи бактериологических и химических вооружений, после чего стерилизованные планеты инфицировались земными формами микрожизни, и уже спустя год там появлялись комплексы быстрого терраформинга.

Маховик войны, раскрученный до немыслимых оборотов, уже не могла остановить воля одного челове-

ка. Все новые планеты вступали в противостояние, на полях сражений, компенсируя невосполнимые потери личного состава, постепенно воцарились кибернетические системы, вселенский пожар захватывал все больший объем пространства...

...И вот адмирал, начавший войну пилотом транспортного корабля, стоит перед картой Обитаемой Галактики, на которой обозначены сто семь вновь открытых или колонизированных в период войны миров.

Пестрый конгломерат, где причудливо соседствуют закрытые на послевоенный карантин планеты, переполненные роботизированными боевыми комплексами, между ними щедрой россыпью сияют зеленые маркеры вновь открытых колоний, желтым цветом обозначены миры стерилизованные и терраформированные под земной эталон в ходе боевых действий.

Многие из них пригодны для жизни, зачищены силами Флота Колоний от остаточных групп боевых соединений и готовы принять поселенцев, иные еще оказывают сопротивление, которое вскоре будет сломлено.

Однако среди причудливой, бессистемной россыпи маркеров взгляд адмирала не видел главного — единства.

Многие планетные цивилизации, открытые в последнее десятилетие войны, так и не примкнули ни к одной из сторон, придерживаясь нейтральной позиции. Они не пострадали от действий Альянса и ничем не обязаны Флоту Колоний. Независимые миры, с непредсказуемой политикой, настороженно, с недоверием относящиеся к формирующемуся послевоенному порядку, по мнению адмирала, являлись наиболее острой проблемой дня сегодняшнего.

Именно на территории таких планет, как это ни па-

радоксально, укрылись десятки тысяч бывших солдат и офицеров Альянса. Естественно, что они принесли с собой новые технологии, их знания дали новый импульс развития колониям, находившимся на момент вторичного контакта в стадии затянувшегося регресса.

Для полноты картины следует упомянуть и об огромном количестве космических кораблей, совершивших вынужденную посадку или просто оставленных экипажами на орбитах планет. Десятки тысяч единиц космической техники, оснащенных гиперприводами, за полтора послевоенных года перекечевали в частные руки. С одной стороны, это являлось благом — большинство из них были отремонтированы и переоборудованы для нужд возрождающейся межзвездной торговли, но, по данным разведки, многие планеты сейчас обзаводились собственными *боевыми* флотами, укомплектованными из трофейных либо найденных в пространстве кораблей, среди которых преобладали фрегаты и крейсера, в силу специфики конструкции, не поддававшиеся коренной реконструкции, то есть они могли использоваться исключительно в качестве боевых единиц.

Воронцов прекрасно понимал, что при таком обилии боевой техники и наличии миров, не имеющих горького опыта крупномасштабной войны, полученный ими импульс высокотехнологичного развития может обернуться громадными проблемами.

Он всегда мыслил здраво, не допуская в рассудок иллюзий, и поэтому отдавал себе отчет: на данный момент у него нет политического решения ситуации. Конечно, в его распоряжении имеется Флот Свободных Колоний — мощнейшая сила, укомплектованная грамотными, прошедшими огонь и воду офицерами, но адмирал, при всей жестокости и циничности, воспитанных в нем войной, не мог взять и одним ударом разру-

бить завязывающийся на глазах узел. Он не желал полномасштабной гражданской войны, не грезил созданием империи на просторах Обитаемой Галактики, но ему было ясно, что политика планетных суверенитетов без объединения миров под эгидой единого закона приведет к неизбежному хаосу.

Воронцов не ощущал в себе таланта политика, но понимал: время силовых решений прошло, и даже Центральные Миры, принявшие на себя первые удары Альянса, не поддержат его в вопросе немедленного объединения Обитаемой Галактики.

«Пространство человечества уже расколото на множество частей», — раздраженно размышлял Воронцов. Получалось, что на планетах, наиболее пострадавших в результате противостояния с Землей, сейчас полным ходом идет мирное строительство, а на периферии уже началось активное брожение, неприсоединившиеся миры стремительно вооружаются, и их дальнейшие действия становятся непредсказуемо опасными.

Адмирал чувствовал, как новое бремя ложится на его плечи.

Он более не мог принимать важные решения единолично.

Подумав об этом, он подошел к стоявшему особняком комплексу виртуальной межзвездной связи и набрал на текстоглифной¹ клавиатуре последовательность команд.

¹ Текстоглифы — специальные символы, шифрующие часто употребляемые последовательности команд для быстрого ввода директив в узкоспециализированные кибернетические системы.

Прошло менее минуты, и в пространстве рабочего кабинета Воронцова начали появляться фантомные фигуры его ближайших соратников.

Когда собрались все вызванные, адмирал сел в кресло за длинным столом и негромко произнес:

— Господа, нам нужно принять совместное решение о дальнейшей судьбе союза Центральных Миров. Следует обозначить нашу политику в отношении не входящих в союз периферийных планет. Ситуация не терпит отлагательств. Надеюсь, вы сами прекрасно осознаете остроту проблемы, и мне не нужно повторяться, доводя до сведения каждого присутствующего сложившуюся в Обитаемой Галактике ситуацию.

— Какой вопрос стоит первым в повестке дня? — осведомился адмирал Вербицкий, недавно избранный президентом планеты Элио.

— Я бы обозначил два главных пункта. — Воронцов перешел на привычный для него уверенно-спокойный тон: — Первый — должны ли мы изменить статус Центральных Миров и реорганизовать оборонительный союз, в одностороннем порядке приняв на себя обязательства по поддержанию мира во всей Обитаемой Галактике? И второй вопрос, прямо вытекающий из первого: в любом случае нам следует выработать общую политику в отношении независимых, неприсоединившихся планет, где, по моему мнению, зреет угроза новых войн и конфликтов.

Некоторое время в кабинете царила тишина, затем раздался хорошо узнаваемый голос генерала Дорохова:

— Я человек военный, поэтому выскажу свое мнение прямо. В результате войны у Центральных Миров сложилось общее экономическое пространство. Мы должны демилитаризировать его, направить экономику в русло мирного строительства, окончательного восста-

новления наших планет. При этом нам ни в коем случае не следует распускать или серьезно сокращать флот. Оборонительный союз необходимо оставить в силе, сохранить инфраструктуру главной военной базы — Форта Стеллар, чтобы остальные планеты союза могли спокойно развиваться, не подминая под себя другие независимые цивилизации, но и не страшась внезапной агрессии.

— А как быть с планетами, которые в данный момент переполнены трофейным вооружением и беглыми офицерами Земного Альянса? — не выдержав, задал адмирал Воронцов прямой вопрос, прозвучавший в его устах сухо, как выстрел.

— Думаю, нужно на некоторое время оставить их в покое, дать шанс разобраться, определиться. В любом случае я бы не стал вмешиваться в локальные конфликты между независимыми мирами, если такие возникнут. Это не позиция конформизма, а здравый смысл. Мы победили в войне и должны строить мирную жизнь. Это строительство будет проходить под защитой флота, способного отразить любые поползновения извне. Что касается остальных планет, нужно выработать и обнародовать условия, на которых они могут присоединиться к нам. Таким образом мы без прямого военного вмешательства заключим прочный союз с теми, кто мыслит здраво и не склонен к агрессии. Уверен — пройдет всего несколько лет, и в Обитаемой Галактике останется лишь небольшая группа неприсоединившихся миров...

...Совещание продолжалось еще несколько часов, затем вопрос был поставлен на голосование.

Двадцать семь глав планетных правительств отдали свои голоса в поддержку мнения, озвученного генералом Дороховым.

Воронцов был откровенно разочарован. Он не по-

лучил нужной поддержки со стороны ближайших соратников, а это означало, что сосредоточенная на луне Стеллар мощь не будет применена по назначению, не послужит делу скорейшего разоружения неприсоединившихся миров ради формирования общегалактического союза планет.

Конечно, он — командующий военно-космическими силами — мог начать действия на свой страх и риск, учитывая, что луна Стеллар со всей инфраструктурой самой мощной базы флота подчиняется ему и только ему, но долго ли он сможет действовать в одиночку? На лишенной атмосферы луне существовал лишь необходимый минимум производств, большинство комплектованных к кораблям, не говоря уже о товарах повседневного спроса, продуктах питания, воде и многих других вещах, необходимых для повседневной жизни многотысячного персонала и военнослужащих, поставлялось с других планет союза.

У него в руках была сила, но ее применение неизбежно привело бы к предварительным согласованиям, зачастую невыносимым и унижительным для Воронцова.

Без санкций Правительства Флот Колоний мог действовать только в двух случаях — при появлении в границах обитаемого космоса остаточных роботизированных подразделений Альянса либо при неожиданной прямой угрозе вторжения в зону жизненных интересов Союза Центральных миров.

Превентивные удары адмирал наносить не мог, но только такие меры, по его мнению, поставили бы на место некоторые, явно начинающие зарываться суверенные цивилизации Окраины и принесли бы на поствоенное пространство фактический мир.

Часть I

НОВАЯ УГРОЗА

ГЛАВА 1

ЗЛОВЕЩИЙ РАССВЕТ

Скопление Ширана.

Год спустя после капитуляции Земного Альянса...

Утро. Прозрачное, стылое, звонкое.

Сиреневые краски неба ложатся на землю бледным отсветом зари. До восхода ослепительно голубого солнца остались считанные минуты.

Ветер притих, затаился в зарослях колючего кустарника, залег между живыми изгородями, символически отделяющими один двор от другого. Со стороны пустыни еще не плещет жаром, и растения стыдливо распускают тяжелые бутоны благоухающих соцветий, наполняя утренний воздух пьянящими ароматами.

Аккуратные одинаковые домики выстроены вдоль улицы, пластиковая черепица крыш в предрассветных отсветах неба кажется влажной — это тает тонкий налет инея, сконденсировавшегося за ночь.

Казалось бы, мирный пейзаж, но стоит бросить взгляд дальше, за пределы скромного по размерам, тщательно ухоженного поселения, как вдруг становится ясно: маленький участок планетной тверди не так давно освоен людьми, о данном факте ясно свидетельствует высокая стеклобетонная ограда периметра и зримое

дрожание воздуха над ней. Магнитное поле накрывает внушительную площадь, опоясанную периметром ограды.

Дальше, вне стен, не увидишь аккуратно подстриженных живых изгородей — там властвует совсем иная природа: дикорастущий кустарник высотой в полтора метра образует труднопроходимые заросли, похожие на изощренное укрепление, созданное посредством колючей проволоки. Тонкие, но необычайно прочные ветви унизаны полуторасантиметровыми шипами, заросли тянутся на несколько километров, вплоть до границы с бесплодной пустыней, где жизнь возможна лишь на площади небольших оазисов.

За мертвым, раскаляющимся днем и промерзающим ночью пространством расположены умеренные климатические зоны, со своей более щедрой природой, и непонятно, почему люди избрали для поселения это негостеприимное место, требующее немалого труда ради элементарного выживания?..

Очевидно, ответ на данный вопрос скрыт под струящимися границами защитного купола, среди массивных, совершенно неэстетичных сооружений, окружающих небольшой поселок: серый шероховатый стеклобетон без намека на эстетику или элементарную отделку, угловатые, похожие на огромные отливки здания, тускло-серый блеск мощных модульных ворот, чрезмерно большие пространства, закованные в вездесущие плиты из армированного бетона, и, наконец, как объяснение и довершение, короткая фраза, нанесенная через равные промежутки на внешней стороне периметра:

Стой. Запретная зона. Огонь открывается без предупреждения.

Естественно, она предназначена для людей.

Но кто, кроме мелких грызунов, редких птиц да пресмыкающихся, способен выжить в окружающей пустыне?

С тихим шипением пневматического привода дверь одного из жилых домов скользнула в сторону.

Человек, появившийся на пороге, выглядел лет на пятьдесят. Он был гладко выбрит, волосы, тронутые ранней сединой, коротко острижены, что соответствовало стандартной прическе, которую принято носить «под гермошлем». Его лицо с лучиками морщин, разбегающихся от уголков глаз, казалось, излучает спокойствие, однако стоило внимательнее присмотреться к выражению его глаз, где затаилась непреходящая тень давних, но страшных событий, проследить за едва заметной полоской шрама, протянувшегося от правой височной области через щеку к тонкой, почти бескровной линии упрямо сжатых губ, как становилось понятно: внешнее спокойствие — не более чем привычная маска самоконтроля, не позволяющая угадать истинные чувства.

Человек остановился у благоухающей границы декоративного кустарника и посмотрел вдаль, туда, где за границами стасис-поля над смертельно опасными кружевными зарослями проволочника сквозь редкие перистые облака струится гнетущий фиолетовый свет, окрашивающий окрестности в унылые сиреневые тона.

Небольшой медальон на короткой цепочке из странного, имеющего телесный цвет сплава поймал скользнувший с небес лучик, и на его поверхности вдруг четко проступила надпись:

«Полковник Шайгалов И.Д. Третий резервный корпус. ВКС Земного Альянса».

Надпись окружала радужный штрих-код генетической записи.

— Не спится, командир?

Голос, заставивший Шайгалова повернуть голову, принадлежал молодому, атлетически сложенному мужчине, который устроился в пластиковом шезлонге по другую сторону импровизированной изгороди. Судя по его гардеробу, состоящему из плавок и такого же медальона, он собирался принимать солнечную ванну.

— А тебе? — вопросом на вопрос ответил полковник.

Очевидно, понятие армейской субординации на территории военной базы либо отсутствовало вообще, либо не имело значения в эти тихие преддawnные минуты.

— Святогор сказал мне, что утром можно загорать. Ловлю момент.

Иван Дмитриевич лишь хмыкнул.

Курорт, а не гарнизон, — метнулась было в голове осуждающая мысль, но тут же осеклась, подавленная голосом здравого смысла: лейтенант Кайманов имел полное право распоряжаться своим временем и здоровьем, как ему заблагорассудится. Всё. Нужно забыть былые штампы. Война закончилась, Альянс капитулировал, и гарнизон небольшого планетарного соединения теперь по любым раскладам уже не является действующей боевой единицей.

Последнее сообщение, принятое станцией гиперсферной частоты, пришло год назад.

Некоторое время они ждали развития событий, но на орбитах Ширана (такое название получила планета в период колонизации) так и не появились ударные силы Флота Свободных Колоний.

Шайгалов уже перестал гадать, что послужило причиной подобного забвения. Варианты напрашивались разные. Возможно, о месте их дислокации никто не зна-

ет. Война, длившаяся не одно десятилетие, охватила огромный участок космоса, в нее оказались втянутыми сотни звездных систем, часть из которых колонизировалась непосредственно в ходе боевых действий. Если перед капитуляцией удалось уничтожить навигационные кристаллы штаба флота, то местоположение большинства резервных баз до сих пор остается тайной для победителей.

Да, возможно, что это так, — думал Шайгалов, глядя, как сквозь ажурные заросли проволочника начинает пробиваться нестерпимое сияние восходящей звезды. — А может, до нас попросту не дошла очередь... Ясно лишь одно: по сути, мы приговорены провести остаток своей жизни на Ширане.

В пользу данного утверждения говорил элементарный здравый смысл. Вступивший на кровавую стезю войны девятнадцатилетним юношей, Шайгалов вкусил ее «прелестей» сверх всякой меры и потому отчетливо понимал: даже после подписания пакта о полной и безоговорочной капитуляции Земли между бывшими противниками не может быть примирения... по крайней мере, не сейчас. Чтобы затянулись саднящие душевные раны, потребуется как минимум смена двух-трех поколений, ну а пока жива память очевидцев, суд будут вершить чувства, а не разум.

Слишком много крови, жестокости, страха скопилось за прошедшие годы в памяти людей...

Понятие «милосердие» потерялось в чудовищном противостоянии, и вряд ли кто-нибудь примет во внимание тот факт, что гарнизон Ширана не участвовал в боевых действиях на финальной стадии войны. Сюда по приказу командования флотом отправляли в бессрочную ссылку тех офицеров, чьи взгляды не соответствовали политике агонизирующего Альянса.

Победа в войне любой ценой — данный постулат был характерен для последнего десятилетия, когда истощились человеческие ресурсы и преемники Джона Хаммера сделали ставку на кибернетические системы, снабженные модулями искусственного интеллекта. Печально известные «Одиночки», без сомнения, могли совершить коренной перелом в войне, но этого, к счастью, не произошло.

Шайгалов не знал, кому удалось обуздать кибернетическую истерию, чья воистину железная воля остановила тяжелую поступь планетарных серв-машин, электронный рассудок которых хранил в себе матрицы сознания давно погибших пилотов.

Такой подход к войне казался ему кощунственным. Он сам начинал пилотом «Фалангера» и потому не понаслышке знал, что такое полный нейросенсорный контакт с кибернетической системой, когда машина, снабженная нейромодулями, перенимает навыки человека, возводя бой из категории наборов повторяющихся элементарных действий в ранг сомнительного, кровавого искусства...

Хуже всего, что системы боевых серв-машин продолжали «жить» даже после того, как погибал пилот. В равной мере это можно отнести и к бортовым компьютерам большинства космических истребителей, орбитальных штурмовиков и некоторых боевых систем крупных космических кораблей.

Кибернетические личности, снабженные реальным боевым опытом людей, достаточно гибкие в своих действиях благодаря нейромодулям... безжалостные машины, в которых теплилась извращенная искра человеческого сознания, захлебнувшегося, прежде чем переключать на кибернетический носитель, кровавыми буднями войны и пережившего собственную агонию. Что может

породить такой синтез? Ничего, кроме смерти, ненависти и бессмысленной бойни ради достижения жестко запрограммированных целей. Случаи, когда рассудок человека, инсталлированный в матрицу «Одиночки», брал верх над кибернетической системой, подчиняя ее своей воле, можно было сосчитать по пальцам.

Нет... Нам не простят сожженных дотла планет, не примут никаких оправданий и пояснений.

Шайгалов был абсолютно прав в своих мыслях. Не все обитатели резервной базы космического флота понимали логику командира, но он продолжал удерживать ситуацию в жестких рамках, не позволяя анархическим помыслам распространяться дальше мелких нарушений субординации. Люди, роптавшие поначалу, постепенно начали свыкаться с мыслью о том, что их судьба теперь навек связана с негостеприимным Шираном; вопреки строжайшему запрету военных лет, многие уже создали семьи, благо «заботами» Всемирного правительства персонал базы состоял в равной пропорции из мужчин и женщин — на войну призывали всех, кто достиг шестнадцатилетнего возраста, без скидок на пол или физические данные.

В душе Шайгалов уповал на то, что данные по Ширану все-таки уничтожены и планета, расположенная вдали от основных колоний Первого Рывка, на определенное время перешла в разряд «потерянных». Хорошо, если такой статус сохранится на протяжении ближайшего полувека. Тогда их детям, родившимся здесь, не придется отвечать за поступки родителей — к тому времени в обитаемых мирах сменятся поколения, жизнь постепенно войдет в мирное русло и память о жестокой войне станет не такой острой, кричащей, вопиющей о мести...

Ему, командиру, привыкшему отвечать за жизни

вверенных людей, приходилось думать об этом, вольно или невольно. Он принимал решения и, когда нужно, действовал жестко, без компромиссов, хотя по факту капитуляции Альянса все подразделения резервной базы можно было считать расформированными.

«Вам повезло выжить в кровавой межпланетной бойне. Цените это», — так он говорил своим подчиненным, понимая, что в консервационных боксах полно техники, начиная от серв-машин и заканчивая аэрокосмическими истребителями, имеющими собственный гипердрайв. Если кто-то решится покинуть планету и тем самым рассекретить дислокацию резервного подразделения, этому человеку придется как минимум перешагнуть через труп полковника Шайгалова.

Пока что безумцев не находилось.

* * *

Пронзительно-голубое горячее солнце Ширана входило в состав рассеянного скопления звезд, большинство из которых имело планеты.

Четыре века назад в период Великого Исхода малоизученная в ту пору гиперсфера вывела сюда не один колониальный транспорт. По данным навигационного отдела Земного Альянса, на окраине скопления, где расстояние между звездами не превышало двух-трех световых лет, на момент начала войны существовало шесть обитаемых миров.

После орбитальной разведки колонии были признаны неопасными в плане технического развития: все обнаруженные цивилизации находились в той или иной стадии затянувшегося регресса, и потому жаркие негостеприимные миры, расположенные на солидном удалении от основных театров боевых действий, идеально

подходили для создания резервных ремонтно-технических баз, где происходило переформирование потрепанных в боях частей и соединений.

Шайгалов знал, что колония Ширана — не единственный населенный мир скопления, но после консервации станции гиперсферной частоты связь с остальными опорными пунктами Альянса оборвалась.

3610 год. Земля.

Главное разведывательное управление ВКС Альянса

Генерал Ахманов только что вернулся с совещания, которое проводил лично Джон Хаммер в подлунном командном центре, и теперь взволнованно мерил шагами небольшое пространство своего кабинета, расположенного все в том же бункере Лунной базы.

Перед самой войной благодаря кулуарной борьбе Тиберия Надырова и Александра Нагумо в штабе флота появились две группировки, состоявшие из ставленников, не сумевших поделить власть и влияние адмиралов.

Тогда новое назначение казалось Зауру Ахманову широко распахнутыми воротами, которые открывали ему путь на вершины Олимпа... но теперь, спустя год, он уже не тешил себя иллюзорными надеждами.

Хитрый, изворотливый Нагумо, которому явно благоволил Джон Хаммер, сумел списать все неудачи, связанные со срывом запланированной оккупации Дабога, на своего соперника. В итоге Тиберий Надыров был временно отстранен от командования объединенной космической группировкой Альянса, сохранив звание адмирала и получив под свое командование третий ударный флот.

Слабое утешение для самого Тиберия и для его сторонников.

Если так пойдет дальше, — мысленно рассуждал Заур, — то придется изворачиваться самому.

Он прекратил расхаживать по кабинету, сел за рабочий терминал кибернетической системы и откинулся в мягком комфортном кресле, но мысли начальника подразделения внешней разведки по-прежнему вращались вокруг вопроса собственной карьеры.

Что будет, если Тиберий не выдержит конкуренции с Нагумо и окончательно попадет в опалу?

Ответить на данный вопрос оказалось несложно. Получив единоличную власть, адмирал Нагумо произведет кадровую чистку, устранив всех ставленников Надырова.

Ахманов не был глупцом. От своих предков, некогда населявших Аравийский полуостров, он унаследовал прежде всего хитрость. Смуглое лицо Заура хранило черты исчезнувшей нации, ассимилированной цивилизацией, но, в отличие от иных людей, он не только помнил свои национальные корни; пользуясь преимуществами служебного положения, Заур досконально изучил свою родословную, придя к удивительным и, нужно сказать, приятным открытиям.

Оказывается, его генеалогическое древо уходило корнями к династии правителей арабского Востока.

Впрочем, данное обстоятельство хоть и льстило самолюбию генерала Ахманова, но не давало ему никаких преимуществ. Учитывая постоянный, нарастающий процесс глобализации, этнические и государственные деления давно ушли в прошлое, стали достоянием истории.

Если мыслить здраво, оперируя понятиями современности, он в случае внезапной опалы мог оказаться

в двух местах — либо в районе боевых действий, либо на какой-нибудь заштатной планете в должности начальника гарнизона.

Подобная перспектива никак не устраивала Заура. А случиться могло всякое, война, неслыханная по своей жестокости, масштабам и напряженности схваток, набирала гибельные обороты, победоносного марша по точкам гиперсферного всплытия колонизированных четырехста лет назад звездных систем, как это обещал Джон Хаммер, не получилось, и вполне естественно, что сейчас начался поиск «крайних», тех, кто ответит за провал неудавшегося «блицкрига».

Думая об этом, Ахманов все более мрачнел.

Пока что с ним лично не случилось ничего, достойного сожаления, но он понимал, сколь капризна судьба в военное время, как быстро, а главное — непоправимо меняются жизненные обстоятельства.

Итогом подобных мыслей стал вполне здравый вывод: во имя личного благополучия действовать нужно сейчас, не дожидаясь, когда адмирал Надыров совершит очередной необдуманный поступок, пытаясь вернуть себе ускользающую власть во флоте.

Жаль, что прошлого не вернуть, — ностальгически подумал Заур, на миг представив себе роскошный дворец на берегу лазурного моря. Мгновенное видение не являлось плодом фантазии — исследуя прошлое, он видел, как жили шейхи Востока в период расцвета нефтяного бизнеса, пока не оскудели недра Земли и мировая экономика не перешла на альтернативные источники энергии.

Судя по архивным документам, четырехста лет назад, осознав, что на Земле их не ждет ничего, кроме постепенного обнищания и растворения в общей массе смешавшихся в мегаполисах народов, наиболее богатые

и влиятельные нефтяные магнаты, сохранившие толику своих состояний и не утратившие здравого взгляда на развитие ситуации, вложили капиталы в постройку и оснащение десяти колониальных транспортов.

Судьбу одного из них, небезызвестного «Мириама», удалось выяснить не так давно. Месяц назад разведывательными кораблями Альянса был открыт колонизированный в эпоху Великого Исхода мир, который сейчас носит название Ганио. Именно туда, под жаркие лучи звезды Халиф, попал по прихоти гиперсферы колониальный транспорт, первым стартовавший из Солнечной системы. Судьба девяти остальных «невозвращенцев» пока что оставалась загадкой. Но на примере Ганио нетрудно было предположить, что даже в том случае, если колониальные транспорты сумели благополучно выйти в трехмерный космос и разгрузиться на пригодных для жизни планетах, основанные предками Заура цивилизации переживают в данный момент эпоху регресса.

Именно это обстоятельство заставило Ахманова серьезно задуматься.

Планеты, населенные его сородичами, утратившими большинство привезенных с собой машин, не сумевших либо не захотевших воспользоваться знаниями и технологиями двадцать третьего века, как произошло на Ганио, — это ли не подарок судьбы для образованного, решительного, прекрасно понимающего, что такое современные технологии и блага цивилизации, человека?

Заур вдруг почувствовал, как от подобных мыслей пересохло во рту.

Пока я еще нахожусь на своей должности, пока в моем распоряжении имеется ресурс для осуществления поиска — разве я не должен воспользоваться шансом? Шансом открыть заново колонии, основанные этническими пред-

ками, принести туда современные технологии, стать для них не шейхом, а кем-то большим?

Мираж в виде великолепного дворца на побережье лазурного моря стоял перед мысленным взором генерала, все четче обозначая детали эфемерного замка.

Почему эфемерного? Нужно искать потерянные колонии и, отыскав, действовать по обстоятельствам. Неизвестно, чем закончится эта война, и если эмпирические миры расположены где-то в стороне от основных колоний, разве они не смогут стать потенциальным убежищем, империей, о существовании которой совершенно не обязательно знать всемогущему Земному Альянсу?

Опираясь на знания двадцать седьмого века, поиск потерянных колоний не выглядел таким уж фантастичным или авантюрным мероприятием. За истекшие четыреста лет гиперсферу успели изучить в достаточной степени, чтобы вывести основные закономерности движения материальных тел через аномалию космоса, а значит, располагая архивными данными о точной массе каждого корабля и энергозатратам при совершении прыжка, можно вычислить, какая из линий напряженности гиперсферы стала незримой путеводной нитью для кораблей-невозвращенцев.

*2637 год по летосчислению Земли...
Планета Сауд. Шестая Резервная база ВКС
Земного Альянса...*

Год назад закончилась Галактическая война.

Знойное солнце плавилось в горячем мареве полуденных миражей, когда на раскаленные плиты вогнутой старто-посадочной чаши медленно, словно беззвучный

призрак, опустился огромный десантно-штурмовой модуль.

Воздух над ним дрожал.

За годы войны появление подобного спускаемого аппарата сулило лишь неисчислимыя беды жителям многочисленных подвергшихся атакам либо оккупации планет, но на этот раз все происходило не так, как обычно.

Молчали башенные орудия модуля. Расположенная в корме десантная рампа осталась неподвижной, и лишь характерный визгливый скрежет телескопических опор, принявших на себя вес ДШМ¹, возвестил о том, что процесс посадки завершен успешно.

Спустя некоторое время в броне модуля открылся обычный люк, откуда выдвинулся телескопический трап.

Первыми из корабля появились две рослые фигуры в бронескафандрах. Они спустились по трапу и застыли по обе стороны от него, словно жуткие демоны из древних преданий.

Немногочисленная группа встречавших пала ниц еще при появлении темной точки в жарких полуденных небесах, и никто из десяти человек не решился не то что разогнуть спины — даже украдкой посмотреть на спустившееся с небес механическое чудовище.

В темном провале люка появился старик.

Жилистый, подтянутый, без лишней жиринки в теле, он остановился на верхней ступени трапа, окинув пристальным взглядом водянистых глаз окрестности старто-посадочного поля.

Кровь.

¹ ДШМ — десантно-штурмовой модуль.